

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социокультурного сервиса и туризма Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск). Автор 34 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>

ЯКУТСКАЯ ЛЕКСИКА ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ ОБЩЕТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

В данной статье рассматривается якутская лексика наименования покрова животных и его видов общетюркского происхождения в сравнении с древнетюркскими и современными тюркскими языками в историческом аспекте. Особое внимание уделяется лексико-семантическим особенностям лексических параллелей, обозначающих указанную тематическую группу основ, а также семантическим переходам от пратюркской системы к современной форме. Выявлено, что номинации элементов обозначения покрова животных в якутском языке состоят из общей для большинства тюркских языков лексики и относятся к устойчивым разрядам со стороны семантического значения и структуры основ. В рамках фонологического анализа определяются фоноструктурные типы и особенности фонологической системы лексических рефлексов. Прослеживается изменение фоноструктуры лексем от пратюркской до современной формы по ареальным типам тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте с якутским языком, что отражает процесс распада праязыка. Новизна работы видится в том, что исследование лексики наименования покрова животных якутского языка проводится впервые. Актуальность обусловлена тем, что изучение лексики якутского языка в сравнительно-историческом аспекте даст возможность усовершенствовать имеющиеся результаты и открыть новые направления в исследовании истории тюркских языков. Фонологический анализ лексических параллелей позволил выявить следующее: по многим параметрам лексика обозначения покрова животных чувашского языка находится в наиболее отдаленной позиции от якутского языка по сравнению с другими тюркскими языками.

Ключевые слова: *тюркские языки, якутский язык, якутская лексика, наименование покрова животных, фоноструктурный тип, сравнительно-исторический аспект.*

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-09-00361 А.

*Адрес: 677000, Республика Якутия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 46; e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Для цитирования: Малышева Н.В. Якутская лексика обозначения покрова животных общетюркского происхождения в сравнительно-историческом аспекте // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 78–85. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.78

Исторический этап развития тюркских языков, их взаимосвязь с языками монгольской, тунгусо-маньчжурской группы, история переселения тюркских народов и их языковые контакты с другими народами и племенами до сих пор представляют большой научный интерес как для этнографов, историков, так и для лингвистов. Чтобы решить этот сложный вопрос, необходимо провести сравнительно-историческое исследование лексического, фонетического, морфологического строя тюркских языков для реконструкции пратюркского лексикона в лексико-семантическом, категориальном аспектах, проследить и определить его изменения.

Якутский язык является одним из древних среди современных тюркских языков [1–8]. Поэтому «по многим параметрам материал якутского языка имеет решающее значение для пратюркской реконструкции» [9]. В настоящее время довольно глубоко и разносторонне исследованы лексика, фонетика, орфоэпия, диалектология и грамматика указанного языка. Вместе с тем успешно развивается его лексикография, издан 15-томный нормативно-регистрационный Большой толковый словарь якутского языка, который послужит импульсом для изучения исторической лексики якутского языка.

Зоологическая лексика якутского языка представляется одним из наиболее интересных пластов словарного состава, отличающихся древностью, многообразием и самобытностью лексических единиц. Лексика обозначения покрова животных общетюркского происхождения хранит в себе большой объем исторической информации, тесно взаимосвязанной с мышлением, этнографией и этноментальностью тюркского народа, основными ремеслами которого с древних времен считаются животноводство и охота.

Частично данная лексико-семантическая группа была рассмотрена в коллективной монографии под руководством Э.Р. Тенишева [10], в научных трудах Ю.И. Васильева [11], Г.Г. Левина [5, 6], Н.В. Мальшевой [12, 13] и А.Е. Божедоновой [13]. Изучение монголизмов в зоологической лексике современного

якутского языка, в т. ч. на материале лексики обозначения покрова животных и его видов, нашло отражение в словаре Ю.И. Васильева, где автор представил 2500 якутско-монгольских лексических параллелей. По его мнению, $\frac{1}{3}$ лексического состава современного якутского языка составляют слова монгольского происхождения [11, с. 3]. Вопросы исторического отношения якутского языка к древнетюркским языкам получили достаточно полное освещение в докторской диссертации Г.Г. Левина [6], где обстоятельно анализируется историческое отношение якутского языка к языку орхонских, енисейских, восточно-туркестанских памятников, в т. ч. на материале лексики обозначения покрова животных в современных тюркских и древнетюркских языках. Определенный интерес представляют работы А.Е. Божедоновой об особенностях имен прилагательных, описывающих масти лошадей в якутском языке, в сравнительно-историческом аспекте с тюркскими языками Южной Сибири и монгольскими языками [13]. А.Е. Божедонова определяет этимологическую характеристику якутских номинаций мастей лошадей с указанием на конкретный пласт заимствования, анализирует способы и принципы словообразовательной системы и составляет семантическую классификацию, используя основные масти, подмасти и отметины лошадей.

Таким образом, обращение к научной разработке проблемы обусловлено отсутствием в якутском языкознании специальных трудов по лексике обозначения покрова животных, систематизирующих отношение якутского языка к другим тюркским языкам. В связи с этим сравнительно-историческое исследование якутской лексики общих названий животного мира признается актуальной задачей. Объектом данной статьи выступают якутская лексика обозначения покрова животных общетюркского происхождения и ее лексические параллели в других тюркских языках. Цель работы заключается в описании лексико-семантических и фоноструктурных особенностей лексических параллелей, обозначающих наименования покрова животных в тюркских языках.

ЛИНГВИСТИКА

С зоологической точки зрения покров животных является крупнейшей по размеру системой органов, представляющей комплекс разновидностей эпителиальной ткани, элементов мышечной, соединительной и нервной тканей, сосредоточенных на поверхности организма. Покровная система предохраняет организм от высыхания, температурных колебаний, повреждения, проникновения в организм ядовитых веществ и болезнетворных микроорганизмов.

В якутском языке для обозначения покрова животных и его видов служат общетюркские монолексемные основы **түү** 'шерсть, мех'; **суң** 'шерсть животных, волна (конская или коровья)'; **саал** 'жировое отложение на загривке лошади'; **сиэл** 'грива', имеющие лексические рефлексy в древних и современных тюркских языках (таблица).

Пратюрк. ***tü:k** 'шерсть, волосы, волосы на теле, птичий пух, подшерсток' [10, с. 312]; // як. **tü:** '1. 1) шерсть, мех (у животных); пух, пушок, перья (у птиц); 2) волосяной покров некоторых частей тела человека; 3) обработан-

ный мех, шерсть, пух животных и птиц; 4) разг. пух, пушинка (растения); 2. сшитый из шерсти шерстяной, пуховый; изготовленный из пуха, перьев' [14, с. 312]; уйг. **tük** 'волос, волосок, ворс, шерсть; пух, пушок' [15, с. 336]; кр.-уйг. **tü** 'волосы на теле' [16, с. 897], 'цвет, окраска, масть лошади' [16, с. 584], **tü** 'шерсть, волосы' [17, с. 476], 'волосок (на теле), волос, шерсть, перья, оперение' [17, с. 584]; др.-уйг. **tü** 'перья, волосы на теле, ослиная шерсть', **tük** 'волосы на теле' [10, с. 197]; ср.-уйг. **tüg** 'волосы на теле' [10, с. 197]; чаг. **tük** 'волосы на теле', хрзм.-т. **tüg** 'волосы на теле', ср.-кыпч. **tüg** 'перья', чаг. **tüj, tüg** 'волосы на теле', тур. **tüj** 'волос, шерсть, пух, перья', гаг. **tüj** 'перо, пух, шерсть, волосок', аз. **tüg** 'волос, шерсть, перо, пух', хал. **ti:k** 'волосы на теле', турк. **tüj** 'волос на теле, шерсть', сал. **tü'** (ал.), **t'ux** (ал., удж., улл., эйш.), **ž'ux** (мын.) 'шерсть, ворс', кар. **tik** 'перо', балк. **tük** 'волосы, шерсть, перья', кум. **tük** 'волосы на теле, ворс', тат. **tök** 'шерсть, волосы на теле, мелкие перья', башк. **tök** 'волос на теле, шерсть', ног. **tük** 'волосы на теле,

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ НАИМЕНОВАНИЙ ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ПО АРЕАЛЬНЫМ ГРУППАМ

Лексема	Пра-тюркский	Якутский		Юго-западные	Северо-западные	Центрально-восточные	Юго-восточные	Северо-восточные	Чувашский
		современный	древний, средний						
Волосы	tü:k	tü:	tü tüg tü tüg tük	tüj tüg ti:k tüj tü' t'ux ž'ux	tik, tük, tök	tük tuk	tük	tük dük	tëk
Шерсть	juŋ	süŋ	.juŋ	jüŋ juŋ jüŋ	žün jün jün jön	d'uŋ žün	žuŋ juŋ	čüŋ nüŋ	šäm
Грива	ja:l	sa:l	ja:l jal jal jaly	ja:l jal yal jal jaly	žal žal jal žalga	d'al žal	jal	čal	silxë
	je:l	siäl	jel je:l	yeli yele				čel čilin jelä	

шерсть, птичий пух', кклап. **tük** 'волосяной покров, подшерсток, птичий пух', каз. **tük** 'волосы на теле, ворс', кирг. **tük** 'волосы на теле человека; короткая шерсть животных', алт. **tuk** 'волосы на теле, шерсть, мелкие перья', узб. **tuk** 'волосы на теле, пушок', хак. **tük** 'волосы, шерсть, перья', тув. **dük** 'волосы на голове, на лице, на теле, шелуха зерна', тоф. **dük** 'пух, перья у птиц; шерсть, мех у животных; волосы, пушок у человека, ворс у растений', чув. **tëk** 'перья, волосы на теле человека' [10, с. 198].

Во всех рассматриваемых примерах основным значением лексических параллелей является 'волосы на теле человека, шерсть, пух'. Первоначальное значение, видимо, – 'волосы на теле', в т. ч. подшерсток у животных [10, с. 198]. Кроме приведенного значения якутский рефлекс обозначает также 'обработанный мех, шерсть, пух животных и птиц; разг. пух, пушинка (растения); сшитый из шерсти, шерстяной, пуховый; изготовленный из пуха, перьев'. В языке письменного памятника Диван Лугат ат-Турк кроме значения 'волосы на теле, шерсть, перья' имеется другое: 'цвет, окраска, масть лошади'.

В фоноструктурном плане в отношении к пратюркской форме якутская основа **tüü** в отличие от других тюркских языков сохраняет долготу гласной, но в якутской лексеме наблюдается опущение ауслатного [k]: ПТ. **tü:k** – як. **tü:**. В древнеуйгурском, современном уйгурском, чагатайском, хорезмско-тюркском, среднекыпчакском, турецком, гагаузском, азербайджанском, халаджском, туркменском, караимском, балканском, кумыкском, татарском, башкирском, ногайском, каракалпакском, казахском, киргизском, алтайском, уйгурском, узбекском, шорском, хакасском, тувинском, тофаларском, чувашском языках по сравнению с якутским отмечается сохранение пратюркского конечного согласного [k]. В караханидско-уйгурском языке, так же как и в якутском, наблюдается опущение консонантного элемента [k] в конце слова. Согласно системе базовых соответствий тюркских согласных и гласных, разработанной А.В. Дыбо, в якутской основе по сравнению

с некоторыми тюркскими языками наблюдаются следующие фонетические соответствия: анлаутного согласного [t~d]: як. **tü:** ~ тув. **dük**, тоф. **dük**; долгих гласных [ü~ü]: як. **tü:** ~ уйг. **tük**, кр.-уйг. **tü**, др.-уйг. **tü**, ср.-уйг. **tüg**, чаг. **tük**, хрзм.-т. **tüg**, ср.-кыпч. **tüg**, чаг. **tüj**, **tüg**, тур. **tüj**, гаг. **tüj**, аз. **tüg**, хал. **ti:k**, турк. **tüj**, балк. **tük**, кум. **tük**, кклап. **tük**, каз. **tük**, кирг. **tük**, хак. **tük**, шор. **tük**, тув. **dük**, тув. **dük**; долгих гласных [üü] и [ö] в северо-западных тюркских языках: як. **tü:** ~ тат. **tök**, башк. **tök**; долгих гласных [üü] и чувашского гласного [ë]: як. **tü:** ~ чув. **tëk**; долгих гласных [üü] и [ii] в халаджском языке: як. **tü:** ~ хал. **ti:k**.

Пратюрк.: **juŋ** 'шерсть' // як. **suŋ** 'шерсть животных, волна (конская или коровья); скотская линия шерсть' [18, стб. 2337], 'шерсть от линьки животных' [15, с. 132]; др.-уйг. **juŋ** 'шерсть, шерстяная ткань', крх.-уйг. **juŋ** 'шерсть', тур. **jüŋ** 'шерсть', аз. **juŋ** 'шерсть', турк. **jüŋ** 'шерсть', кум. **jün** 'шерсть', тат. **jün**. 'шерсть', башк. **jön** 'шерсть', каз. **žün** 'шерсть', кирг. **žün** 'шерсть', алт. **d'uŋ** 'перо', узб. **juŋ** 'шерсть', уйг. **žuŋ** 'шерсть', хак. **nüŋ** 'шерсть, подшерсток, пуховый', тув. **čüŋ** 'шерсть, шерстяная нитка', чув. **šäm** 'шерсть' [10, с. 146]. Якутская форма кажется более близкой к пратюркской, древнеуйгурской, караханидско-уйгурской, турецкой, азербайджанской, туркменской, кумыкской, татарской, узбекской формам. Устойчивость лексического значения якутской основы **suŋ** 'шерсть животных' отмечается в большинстве рассматриваемых тюркских языков, кроме алтайского, в котором рефлекс обозначает 'перо'. Это явление можно объяснить семантическим переходом внутри одной лексико-тематической группы, т. е. внутри системы общих названий животных. Во всех лексических параллелях наблюдается не только устойчивый структурный тип CVC (consonant-vowel-consonant), но и некоторые фонетические явления в отношении к якутскому языку. Например, соответствие начальных согласных: [s~j]: як. **suŋ** ~ ПТ. **juŋ**, др.-уйг. **juŋ**, крх.-уйг. **juŋ**, тур. **jüŋ**, аз. **juŋ**, турк. **jüŋ**, кум. **jün**, тат. **jün**, башк. **jön**, узб. **juŋ**;

соответствие якутского начального [s] киргизскому начальному [ʒ]: як. suŋ ~ кирг.; соответствие якутского начального [s] хакасскому начальному [n]: як. suŋ ~ хак. nŋ; соответствие конечного якутского [ŋ] конечному [n] в северо-западных тюркских и киргизском языках: як. suŋ ~ кум. jün, тат. jün, башк. jön, каз. žün, кирг. žün; соответствие якутского инлаутного вокализма [u] инлаутному согласному [ü] в некоторых тюркских языках: як. suŋ ~ тур. jüŋ, турк. jüŋ, кум. jün, каз. žün, кирг. žün, хак. nŋ, тув. čüŋ. Из примеров видно, что чувашская форма в отношении к якутской находится в более отдаленной позиции, чем другие тюркские.

Пратюрк.: **ja:l** 'грива' // як. **sa:l** '1. жировое отложение на загривке лошади; 2. загривок у лошади; 3. наиболее возвышенная и ровная часть поля, а также вершина холма, горы» [19, с. 71]; крх.-уйг. **ja:l** 'грива лошади' [16, с. 860], **jal** 'грива' [17, с. 516]; нов.-уйг. **jal** 'грива' [14, с. 776], ср.-кыпч. **jaly**, чаг. **jal, jaly** 'подгривный жир', 'грива', ст.-осм. **jal, jaly** 'грива', тур. диал. **yal** 'грива', аз. **jal** 'грива; метафора: хребет горы, перевал', хал. **ja:l** 'грива', турк. **ja:l** 'грива', кар. **jal** 'грива', кбалк. **žal, žalga** 'грива', кум. **jal** 'грива', тат. **jal** 'грива', башк. **jal** 'грива', ног. **jal** 'грива', каз. **žal** 'грива; подгривный жир', ккалп. **žal** 'грива; подгривный жир', кирг. **žal** 'грива; подгривный жир', алт. **d'al** 'грива, загривок, место, на котором растет грива', узб. **jal**, уйг. **jal**, шор. **čal** 'грива', тув. **čal** 'подгривный жир', тоф. **čal** 'грива', чув. **silxë** 'грива' [10, с. 146]. В языках письменных памятников Диван Лугат ат-Турк и Кутадгу Билиг, а также в туркменском, карачаево-балкарском, кумыкском, ногойском, алтайском и юго-восточных языках рассматриваемая лексическая единица обозначает 'загривок, место, на котором растет грива'; в чагатайском, казахском, каракалпакском, киргизском, тувинском – 'подгривный жир'; в чагатайском, шорском, тофаларском, чувашском, староосманском, юго-западных, северо-западных, юго-восточных языках – 'грива'; в казахском, азербайджанском и якутском отмечается метафорическое значение 'хребет горы, перевал'. В якутской основе **sa:l** наблюдаются

следующие фонетические явления в сравнении с лексическими параллелями в других тюркских языках: закономерное соответствие анлаутного согласного: [s~j]: як. **sa:l** ~ ПТ. **ja:l**, крх.-уйг. **ja:l, jal**, чаг. **jal, jaly**, ст.-осм. **jal, jaly**, аз. **jal**, хал. **ja:l**, турк. **ja:l**, кар. **jal**, кум. **jal**, тат. **jal**, башк. **jal**, ног. **jal**, узб. **jal**, уйг. **jal**; закономерное соответствие анлаутного согласного: [s~ž]: як. **sa:l** ~ каз. **žal**, ккалп. **žal**, кирг. **žal**; закономерное соответствие анлаутного согласного: [s~č]: як. **sa:l** ~ шор. **čal**, тув. **čal**, тоф. **čal**; закономерное соответствие якутского долгого [a:] краткому [a] в других тюркских языках: як. **sa:l** ~ нов.-уйг. **jal**, ср.-кыпч. **jaly**, чаг. **jal, jaly**, ст.-осм. **jal, jaly**, тур. диал. **yal**, аз. **jal**, кар. **jal**, кбалк. **žal, žalga**, кум. **jal**, тат. **jal**, башк. **jal**, ног. **jal**, каз. **žal**, ккалп. **žal**, кирг. **žal**, алт. **d'al**, узб. **jal**, уйг. **jal**, шор. **čal**, тув. **čal**, тоф. **čal**. Следует подчеркнуть, что якутская форма **sa:l** в отношении к пратюркской форме сохранила долготу гласной. Такое сохранение также отмечается в халаджемском **ja:l**, туркменском **ja:l**, караханидско-уйгурском **ja:l**.

Пратюрк. **je:l** // як. **siäl** '1. грива; 2. порода длинной травы, растущей на кочках' [18, стб. 2187; 19, с. 472], др. тюрк. **jel** 'грива лошади', крх.-уйг. **je:l** 'грива лошади', тур. **yele** 'грива лошади', тур. диал. **yeli** 'грива лошади', сюг. **jelä** 'грива лошади', хак. **čilin** 'грива лошади', тув. **čel** 'грива лошади' [10, с. 147]. Во всех источниках рассматриваемая лексическая единица обозначает гриву лошади, но в якутском языке есть второе значение: 'порода длинной травы, растущей на кочках'. Оба значения в якутском языке активно используются. В якутской основе **siäl** отмечаются следующие фонетические явления в сравнении с лексическими параллелями в других тюркских языках: закономерное соответствие анлаутного согласного: [s~j]: як. **siäl** ~ ПТ. **je:l**, др. тюрк. **jel**, крх.-уйг. **je:l**, сюг. **jelä**, тур. **yele**, тур. диал. **yeli**; базовое соответствие якутского дифтонга [iä] вокализму [e] в древнетюркском, турецком, сарыг-югурском, тувинском языках: як. **siäl** ~ др. тюрк. **jel**, тур. **yele**, тур. диал. **yeli**, тув. **čel**, сюг. **jelä**. Сообразно базовым соответствиям тюркских согласных в якутской лексической

единице **siäl** в отношении к пратюркской форме **je:l** наблюдается соответствие якутского дифтонга [iä] и пратюркского долгого вокального элемента [e:]. В тур. **yele** 'грива лошади', тур. диал. **yeli** 'грива лошади' и сар.-юг. **jelä** 'грива лошади' в отношении к якутской форме можно отметить наличие конечного вокального [i], [ä], [e]. В северо-восточных тюркских языках наблюдается два разных корня с разными семантическими значениями – **jel** и **ja:l**. Лексическая единица **ja:l** получает значение 'грива' в компактном центральном ареале, по-видимому, вследствие контаминации с **je:l(ä)**, а первоначальное его значение, возможно, 'загривок' или – более узко – 'подгривный жир лошади' [10, с. 147].

Таким образом, номинации элементов строения животных представляют наиболее древний пласт словарного состава якутского языка – они содержат общую для большинства тюркских языков лексику и относятся к устойчивым разрядам. Причем древняя лекси-

ка характерна не только для близкородственных восточно-тюркских языков, куда входит якутский язык, но и для языков других групп в рамках тюркской языковой семьи [20, с. 8]. Подводя итоги сравнительного анализа, можно указать на то, как меняется рассматриваемая лексико-тематическая группа (покрыв животных и его виды) от пратюркского языка к якутскому, а также отношение якутских форм к современным тюркским языкам. Фонетическая структура якутских форм в ходе своего становления значительно менялась. Благодаря ранней изоляции от других тюркских языков в ней сохранились некоторые праязыковые реликты, в частности пратюркские долгие гласные, характерные только для этого языка: *tü: // ПТ. tü:k, sa:l // ПТ. ja:l*. Фонологический анализ лексических параллелей показал, что по многим параметрам лексика названий покровов животных чувашского языка находится в наиболее отдаленной позиции от якутского языка по сравнению с другими тюркскими языками.

Список литературы

1. *Vambery H.* Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. XII. 638 S.
2. *Kaluzynski S.* Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. 170 S.
3. *Убрятова Е.И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 13 с.
4. *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 268 с.
5. *Левин Г.Г.* Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. 436 с.
6. *Левин Г.Г.* Историческое отношение якутского языка к древнетюркскому, восточно-тюркским и монгольским языкам // *Karadeniz*. 2012. Т. 4, № 16. С. 12–22.
7. *Károly L L.* History of the Intervocalic Velars in the Turkic Languages // *Turkic Lang*. 2012. Vol. 16, № 1. P. 3–24.
8. *Егинова С.Д.* Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками): моногр. Новосибирск: Наука, 2014. 231 с.
9. *Дыбо А.В.* О.Н. Бётлингк и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков // О.Н. Бётлингк и вопросы тюркской филологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 160-летию выхода в свет труда акад. О.Н. Бётлингка «О языке якутов»: сб. науч. ст. / Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. С. 5–13.
10. *Тенишев Э.Р., Благова Г.Ф., Добродомов И.Г., Дыбо А.В., Кормушин И.В., Левитская Л.С., Мудрак О.А., Мусаев К.М.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика: моногр. / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.

11. Васильев Ю.И. Якутско-монгольские лексические параллели: слов. Якутск: Компания «Дани Алмас», 2007. 40 с.
12. Мальшева Н.В. Отношение якутского языка к уйгурскому и древнеуйгурскому языкам (фоноструктурные и структурно-семантические особенности): дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 182 с.
13. Мальшева Н.В., Божедонова А.Е., Старостина Я.Е. Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади // Вестн. Калмыц. ин-та гуманитар. исслед. РАН. 2018. № 2(36). С. 102–109. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-102-109
14. Наджит Э.Н. Уйгурско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1968. 828 с.
15. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под общ. ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. Т. IX. 630 с.
16. ал-Каушгари М. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Аузовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
17. Баласагунский Ю. Кутадгу билиг. Стамбул: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. 565 с.
18. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2, вып. 5–9. 1281–2508 стб.
19. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под общ. ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. VIII. 572 с.
20. Károly L. Some Remarks on the Yakut Suffix +SXt // *Turkic Lang.* 2006. Vol. 10. P. 187–192.

References

1. Vambery H. *Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert*. Leipzig, 1885. XII. 638 p.
2. Kaluzynski S. *Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache*. Warsaw, 1961. 170 p.
3. Ubryatova E.I. *Yakutskiy yazyk v ego otnoshenii k drugim tyurkskim yazykam, a takzhe k yazykam mongol'skim i tunguso-man'chzhurskim* [The Yakut Language in Its Relation to Other Turkic Languages as well as to Mongolic and Tungusic Languages]. Moscow, 1960. 13 p.
4. Shirobokova N.N. *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [Relation of the Yakut Language to the Turkic Languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, 2005. 268 p.
5. Levin G.G. *Istoricheskie svyazi yakutskogo yazyka s drevnetyurkskimi yazykami VII–IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami)* [Historical Ties of the Yakut Language with Old Turkic Languages of the 7th – 9th Centuries (in Comparison with the East Turkic and Mongolic Languages)]. Yakutsk, 2013. 436 p.
6. Levin G.G. *Istoricheskoe otnoshenie yakutskogo yazyka k drevnetyurkskomu, vostochno-tyurkskim i mongol'skim yazykam* [The Historical Relation of the Yakut Language with the Old Turkic, East Turkic and Mongolic Languages]. *Karadeniz*, 2012, vol. 4, no. 16, pp. 12–22.
7. Károly L. History of the Intervocalic Velars in the Turkic Languages. *Turkic Lang.*, 2012, vol. 16, no. 1, pp. 3–24.
8. Eginova S.D. *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka (v sopostavlenii s buryatskim i kirgizskim yazykami)* [Figurative Adjectives of the Yakut Language (in Comparison with the Buryat and Kyrgyz Languages)]. Novosibirsk, 2014. 231 p.
9. Dybo A.V. O.N. *Betlingk i sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Otto von Böhtlingk and Comparative Grammar of Turkic Languages]. *O.N. Betlingk i voprosy tyurkskoy filologii* [Otto von Böhtlingk and the Issues of Turkic Philology]. Yakutsk, 2013, pp. 5–13.
10. Tenishev E.R., Blagova G.F., Dobrodomov I.G., Dybo A.V., Kormushin I.V., Levitskaya L.C., Mudrak O.A., Musaev K.M. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika* [Comparative Grammar of Turkic Languages: Vocabulary]. Moscow, 2001. 822 p.
11. Vasil'ev Yu.I. *Yakutsko-mongol'skie leksicheskie paralleli* [Yakut-Mongolian Lexical Parallels]. Yakutsk, 2007. 40 p.
12. Malysheva N.V. *Otnoshenie yakutskogo yazyka k uygurskomu i drevneuygurskomu yazykam (fonostrukturnye i strukturno-semanticheskie osobennosti)* [Relation of the Yakut Language to the Uyghur and Old Uyghur Languages (Phonostuctural and Structural-Semantic Features): Diss.]. Yakutsk, 2015. 182 p.
13. Malysheva N.V., Bozhedonova A.E., Starostina Ya.E. *Yakutsko-mongol'skie leksicheskie paralleli, oboznachayushchie naimenovaniya mastey loshadi* [Horse Coat Colors: Investigating Yakut and Mongolian

Lexical Parallels]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2018, no. 2, pp. 102–109. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-102-109

14. Nadzhip E.N. *Uygursko-russkiy slovar'* [Uyghur-Russian Dictionary]. Moscow, 1968. 828 p.
15. Sleptsov P.A. (ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Novosibirsk, 2012. Vol. 9. 630 p.
16. al-Kashgari M. *Dīwān Lughāt al-Turk*. Almaty, 2005. 1288 p. (in Russ.).
17. Balasaguni Y. *Kutadgu bilig*. Istanbul, 1979. 565 p. (in Russ.).
18. Pekarskiy E.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut Language]. Moscow, 1959. Vol. 2, iss. 5–9. 1281–2508 cols.
19. Sleptsov P.A. (ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Novosibirsk, 2011. Vol. 8. 572 p.
20. Károly L. Some Remarks on the Yakut Suffix +Sxt. *Turkic Lang.*, 2006, vol. 10, pp. 187–192.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.78

Ninel' V. Malysheva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University;
ul. Kulakovskogo 46, Yakutsk, 677000, Respublika Yakutiya, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256> e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

YAKUT VOCABULARY OF COMMON TURKIC ORIGIN DESIGNATING ANIMAL INTEGUMENT: A COMPARATIVE HISTORICAL ASPECT

This article dwells on Yakut vocabulary of common Turkic origin naming animal integument and its types, compared with the Old Turkic and modern Turkic languages in the historical aspect. Special attention is paid to the lexical and semantic features of lexical parallels for the thematic group of stems under study, as well as to the semantic transitions from the Proto-Turkic system to the modern form. It was revealed that names for elements of animal integument in the Yakut language are found in most Turkic languages and belong to stable word classes in terms of semantic meaning and stem structure. Within the framework of phonological analysis, the author determined phonostructural types and features of the phonological system of lexical reflexes. Further, the author traced changes in the phonostructure of lexemes from the Proto-Turkic to the modern form according to the areal types of Turkic languages in a comparative historical aspect with the Yakut language, which reflects the break-up of the proto-language. The phonological analysis of lexical parallels revealed that Chuvash vocabulary designating animal integument in many ways stands farther from the Yakut language than that of other Turkic languages. The novelty of this research lies in the fact that Yakut names for animal integument have not been studied before. Such studies on Yakut vocabulary in the comparative historical aspect can improve the existing results and open up new lines of research into the history of Turkic languages.

Keywords: *Turkic languages, Yakut language, Yakut vocabulary, names of animal integument, phonostructural type, comparative historical aspect.*

Поступила: 18.06.2019

Принята: 26.09.2019

Received: 18 June 2019

Accepted: 26 September 2019

For citation: Malysheva N.V. Yakut Vocabulary of Common Turkic Origin Designating Animal Integument: A Comparative Historical Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 6, pp. 78–85. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.78